

А.Ш. Кадырбаев

ИБ РАН

Тимур и Хайсан – монгольские императоры династии Юань

Конец XIII – начало XIV вв. можно считать завершающим этапом монгольских завоеваний, начало которым было положено ещё Чингис-ханом. Правящая верхушка империи Юань, монгольского государства в Китае, основанного в 1260–1270 гг. внуком Чингис-хана Хубилай-ханом, после распада единой Монгольской державы и прихода к власти Тимур-хана (китайское храмовое имя Чэнь-цзун), к началу XIV в. обращает внимание главным образом на решение проблем внутривластного характера, в частности на укрепление своего господства в Китае [1, с. 294].

После смерти Хубилай-хана, Юаньская империя вступает в полосу глубокого политического и экономического кризиса. Конфуцианский учёный Чжан Янь-хао писал: «В период правления Хубилай-хана назначали чиновников на должности по их деловым качествам и способностям, а ныне не соблюдают этого правила и присваивают людям чины и звания в нарушение закона. В период Хубилай-хана не наказывали тех, кто делал хану представления, а ныне казнят их, не разбираясь в причинах. В период правления Хубилай-хана выпускали бумажные деньги на установленные суммы, а ныне их выпускают в любое время и столько, сколько требуется. В период правления Хубилай-хана налоги и повинности были фиксированными, а ныне [с налогоплательщиков] берут их в любое время и [отбирают] всё дочиста» (цит. по [2, с. 72]). При юаньском дворе обострилась борьба между различными группами правящего юаньского класса, в котором тон задавали монголы и всё более выходившие на первые роли в юаньской политике *сэму*, выходцы из привилегированного юаньского сословия, сформированного по этническому принципу из представителей стран, лежащих к западу от Китая. Как подчёркивается в китайских источниках, преемники Хубилай-хана вели разгульную жизнь, тратили огромные суммы из государственной казны на свои прихоти. После Хубилай-хана ухудшение ситуации в стране, громоздкость придворной администрации, несоблюдение законов, нарушение порядка

избрания на юаньский трон, разбазаривание и расхищение казённых средств, стали серьёзными проблемами, подрывающими сами основы монгольского государства в Китае.

Во внешнеполитической деятельности, преемники Хубилай-хана уделяли главное внимание борьбе с враждебными юаньскому трону Чингисидами, правителями монгольского государства Чагатаидов в Средней Азии, которые оспаривали власть Юань над Монголией и Восточным Туркестаном. Война с Чагатаидами, начатая ещё в правление Хубилай-хана, длилась в течение 40 лет и была завершена в правление Тимур-хана, преемника Хубилая на юаньском троне. Прекращение войны привело к возобновлению международной торговли по Великому Шёлковому пути, что благоприятствовало экономической ситуации в Юаньской империи. Торговые пути вновь стали безопасны, организованы и находились под контролем монгольского государства в Китае, создавшего режим наибольшего благоприятствования для иноземной торговли, при этом, предоставляя льготы и напрямую финансово поддерживая своих купцов и производителей. К числу других достижений Тимур-хана можно отнести издание кодекса юаньских законов *Да-дэ люй-лин* («Законы и распоряжения [периода правления] Да-дэ»). Тем не менее, экономическая ситуация в годы его правления продолжала ухудшаться. Общие бюджетные расходы по-прежнему превышали доходы. «Хотя каждый год поступает золота 19 000 лян, серебра 10 000 лян и бумажных денег 3 600 000 ассигнаций, но всё же их не хватает на удовлетворение потребностей. Кроме того, позаимствовано 200 000 ассигнаций из суммы бумажных денег выпуска правления Чжи-юань. Прошу бережно расходовать и экономить», – докладывал Тимур-хану его сановник [2, с. 47].

К этому времени выходцы из *сэму* играли важную политическую и военную роль в системе монгольского владычества в Китае, являясь одним из немаловажных факторов, оказывавших влияние на политику юаньского двора. Возникновению такой ситуации способствовало прежде всего то, что учреждённые ещё при Хубилай-хане отборные части императорской гвардии были сформированы в значительной степени из тюркских воинов – уроженцев Великой Степи, тангутов и асов – выходцев с Кавказа. Создание этих войск усиливало влияние тюрок, особенно кыпчаков и канглы, вследствие назначения их представителей на высшие командные посты в гвардии. Преемники Хубилай-хана продолжали уделять большое внимание укреплению сформированной из *сэму* гвардии, видя в ней надёжную опору трона. Так, в 1295 г., сразу после вступления на трон Тимур-хана, была учреждена гвардия *сэму*, где были части кыпчаков и канглы. В течение 1297–1307 гг. численность кыпчакской гвардии, учреждённой ещё при Хубилай-хане, выросла на 6 тысяч воинов. В 1308 г. кыпчакская гвардия была разделена на гвардии правого и левого крыла, а в 1310 г. была реформирована и усилена дополнительным контингентом войск гвардия канглы. Все воины канглы, служившие в других войсках, были отобраны для службы в гвардии (см. [5, цз. 99, с. 27188/1236]).

Влиятельными политическими и военными деятелями этого времени при юаньском дворе были кыпчаки Чжанур, его сын Яньтимур, канглы

братья Иналтото и Асанбука. Чжанур начал службу ещё при жизни своего отца Тутуха и принял активное участие в войнах Хубилай-хана и его преемников на северо-западных границах империи. Отличился во время похода на Бадахшан, за что был назначен командующим правым крылом кыпчакской гвардии. В 1297 г. он возглавил кыпчакскую гвардию. На следующий год нанёс поражение войскам Дувы, предводителя антиюаньской коалиции монгольской знати. В 1299 г. Чжанур был вызван в столицу и удостоился особых почестей со стороны императора Тимура. Тогда же выступил в поход на Западную Монголию под началом наследника юаньского престола Хайсана. В 1301 г. в горах Цзеганшань воины Чжанура истребили войско Дувы. Хайсан, наблюдавший за этим боем, сказал: «О таких жестоких битвах я не имел представления» [5, цз. 128, с. 27442/1490].

В 1303 г. Чжанур вернулся в столицу и был принят императором. Тимур-хан высоко оценил воинские заслуги Чжанура: «Ты, Чжанур, обеспечил безопасность северных границ и добился великих побед. Золота не хватит для оценки твоих заслуг». Чжанур остался главой кыпчакской гвардии и был назначен на новую должность заместителя главы Шумиюань, т.е. Тайного Совета, – учреждения, ведавшего тайными военными операциями и внешней политикой. Были также награждены 10 тысяч воинов, воевавших под командованием Хайсана и Чжанура (см. подробнее [5, цз. 128, с. 27442/1490]). Современник этой эпохи, персидский историк Рашид-аддин в свою очередь отмечал, что среди эмиров, «сидящих с войсками на границах для охраны государства, был Чункур, он же Чжанур, сын Токтака, т.е. Тутуха, одного из великих эмиров» [4, т. 3, с. 184–185].

Вместе с Чжануром под началом Хайсана воевал и канглы Иналтото. В 1301 г. он отличился в сражении с Хайду, предводителем среднеазиатских монголов. В бою всегда находился рядом с Хайсаном, обеспечивая его безопасность. Иналтото начал службу с 14 лет ещё при Хубилай-хане и не утратил свой высокий статус при дворе его преемника Тимур-хана. Его брат Асанбука пользовался расположением наследника трона Хайсана. Хайсан говорил, что к таланту Асанбуки как полководца и государственного деятеля нельзя относиться с пренебрежением. Асанбука отличился в сражениях с Хайду на Алтае и Ханхае.

Среди ближайшего окружения наследника трона, будущего юаньского императора Хайсана, чьё китайское храмовое имя как высочайшей особы было У-цзун, находился молодой Яньтимур, которому суждено было впоследствии сыграть важную политическую роль в империи Юань. «Когда У-цзун умиротворил Шофан, т.е. Западную Монголию, участвовал в формировании гвардии» [5, цз. 136, с. 25518/1566].

На службе у Хайсана был найман¹⁰ Наньцзятай, прославленный полководец Хубилай-хана, с чьим именем связан разгром монголами китайской империи Сун. Он занимал высокий пост темника, командира 10 тысяч воинов. В 1307 г. накануне решающих событий оставил службу и поселился в Хуайчжоу, где вошёл в доверие к Аюрбарвада, брату Хайсана, имевшего виды на юаньский престол.

В 1307 г. умер Тимур-хан и трое представителей правящей в Китае ветви Чингисидов выступили претендентами на юаньский трон. Одним из них был Хайсан, находившийся в это время со своими войсками в районе Алтайских гор. Узнав о смерти Тимур-хана, Хайсан направился в Каракорум, старую столицу некогда единой Монгольской империи, а ныне провинцию империи Юань, где созвал курултай Чингисидов, чтобы законным образом обосновать свои притязания на юаньский трон, а не выглядеть узурпатором подобно своему предку Хубилай-хану.

Вторым претендентом был Ананда, внук Хубилай-хана, и последний назначал его наследником, но затем склонился в пользу Тимур-хана. Ананда был мусульманином, что вызвало сильное противодействие его кандидатуре не только со стороны монголов, уйгуров, тибетцев и тангутов, исповедовавших буддизм и христианство, занимавших как *сэму* высокое положение при дворе, но и со стороны китайской знати, сотрудничавшей с монгольским режимом.

Третий претендент, Аюрбарвада, был внуком сына Хубилай-хана Джингима, который до своей смерти в 1285 г. был наследником трона. Отцом Хайсана и Аюрбарвада был второй сын Джингима Дармабала. Аюрбарвада обладал более весомой поддержкой среди членов правящей династии Чингисидов и юаньской бюрократии, нежели Ананда. Но, тем не менее, Ананда, обладавший титулом Аньси-ван, т.е. «князь, покоритель Запада», претендовал на юаньский трон. В *Юань-ши* («Истории [династии] Юань») говорится об этом так: «Аньси-ван, воспользовавшись моментом, замыслил стать продолжателем великого дела» [5, цз. 136, с. 27519/1567].

В своих притязаниях на престол, Ананда был поддержан вдовствующей императрицей Бурхан, женой умершего Тимур-хана, и высокопоставленными чиновниками во главе с *цзочэнсяном* (т.е. левым министром) Ахутаем, вторым лицом в юаньском правительстве – Чжуншушэне. После смерти Тимур-хана в столице Дайду не оказалось основных соперников Ананды, т.е. Хайсана и Аюрбарвада, а также их матери-императрицы, и Ананда попытался захватить власть, но его заговор был раскрыт Иналтото и Асанбукой, доверенными людьми Хайсана, которые в это время находились в Дайду. Несмотря на попытки заговорщиков задержать Иналтото, ему удалось покинуть столицу и информировать обо всех событиях Хайсана: «Быстро доложил У-цзуну, чтобы помочь государству... Мать, т.е. императрица, обеспокоилась. Для определения судеб двух своих детей, Хайсана и Аюрбарвада, позвала гадать астролога. Спросила его, кого посадить на трон. Тот ответил, что предвидится великий беспорядок и бедствие, и им обоим будет трудно. Эти слова астролога посеяли сомнения в душе матери, вдовствующей императрицы. Послала приближенного сказать У-цзуну: „Вы старший и младший братья и рождены мной. Неужели вы не чувствуете родственной близости и так далеки друг от друга? Слова астролога предсказывают, что наша судьба недобрая. Это наводит тоску“. У-цзун выслушал и помолчал. Подойдя к Тото, сказал: „Я усердно охраняю границу уже 10 лет и соответственно занимаю высокое место. Кому должна отойти святая утварь? (т.е. трон). Кому – ясно,

сомнений нет. Императрица гадала и получила ответ: „Пути Неба неисповедимы“. Кто заранее знает, что будет, что я сделаю? Эти помыслы Неба слыше надо совмещать с желаниями народа внизу. И тогда станет ясно, кого Небо хочет императором. Если я, У-цзун, буду править, то дня моего правления будет достаточно для славы на 10 тысяч лет. Можно ли, полагаясь на астролога, отрекаться от воли предков? Это, наверное, сановники вершат дела, захватили власть и убивают. Боятся, что я когда-нибудь раскрою их преступления. Поэтому замышляют измену и подрывают мощные корни государственности. Того, ты тот, кто тайно сообщает императору о всех пороках“...» [5, цз. 138, с. 27531/1579].

Асанбука остался, чтобы предупредить направлявшихся в Дайду Аюрбарвада и мать-императрицу, и по прибытии они уже знали о заговоре Ананда. 20 марта 1307 г. сторонники Аюрбарвада, среди которых был Наньцзятай, схватили Ананда, императрицу Бурхан, Ахутая и других заговорщиков. За участие в аресте Ананда, Аюрбарвада пожаловал Наньцзятаю богатое поместье. Через два дня от Хайсана в столицу прибыл представитель, чтобы потребовать от Ананда объяснения его действий. Но к этому времени следствие по делу, которое вёл Асанбука, было закончено и Ананда, судя по данным *Юань-ши*, в 1307 г. был казнён, «пожалован смертью» [5, цз. 138, с. 27532/1580]. Именно поэтому его биография оказалась за пределами династийной истории *Юань-ши*.

Таким образом, падение Ананда было организовано кликами Хайсана и Аюрбарвада, которые сплотились в борьбе против общего врага. После ухода Ананда с юаньской политической арены, Хайсан медлил с возвращением в столицу, так как не питал доверия к намерениям Аюрбарвада. Посол Аюрбарвада к Хайсану по возвращении сказал, что тот будет вести переговоры по вопросу о наследовании престола только при посредничестве своего доверенного лица, Асанбуки. Императрица Тарги, мать Хайсана и Аюрбарвада, склонялась к поддержке Аюрбарвада. По совету Чжанура, который официально просил Хайсана вернуться в столицу, «решить великие дела и взять управление Поднебесной в свои руки», Хайсан во главе войск двинулся на Дайду. Вперёд был послан Иналтото. Он прибыл в столицу и вступил с императрицей и Аюрбарвада в переговоры, предоставив им требования Хайсана. Тем временем Хайсан и Чжанур продвигались по западной и восточной дорогам, ведущим к столице. В подчинении каждого из них находилось 10 тысяч воинов. Иналтото и Асанбуке после длительных переговоров удалось убедить Аюрбарвада и императрицу признать новым юаньским императором Хайсана, а его наследником объявить Аюрбарвада, чьё китайское храмовое имя было Жэнь-цзун. После возвращения Иналтото из Дайду в ставку Хайсана и обсуждения результатов его миссии, Хайсан во главе войск вступил в Шанду или Кайпин, летнюю столицу юаньских Чингисидов, где его торжественно, воздавая почести как императору, встречали Аюрбарвада и императрица в сопровождении высокопоставленных чиновников. Как пишет *Юань-ши*, только после этого «сомнения У-цзуна в отношении Жэнь-цзуна рассеялись и он официально объявил его своим наследником» [5, цз. 138, с. 27531/1579].

Таким образом, Аюрбарвада был вынужден отказаться от своих притязаний на юаньский трон в пользу Хайсана. Решающую роль в этом сыграла поддержка Хайсана со стороны войск, с которыми он воевал в Монголии и на Алтае. Ударной силой этих войск были части императорской гвардии, сформированные из кыпчаков и канглы, которые возглавляли закалённые в боях и преданные лично Хайсану военачальники Чжанур, Иналтото, Асанбука, Яньтимур. Поэтому Аюрбарвада без сопротивления уступил трон Хайсану, но при этом добился условия, согласно которому наследником должен быть Аюрбарвада, а не сын Хайсана. Курултай в Шанду подтвердил решение Чингисидов в Каракоруме о возведении на юаньский престол Хайсана. В указе по поводу восшествия на трон Хайсан особо подчеркнул своё законное право, так как известно, что сам основатель Юаньской империи, Хубилай-хан, столь чтимый потомками, тем не менее, не избирался на курултае Чингисидов великим ханом.

По восшествии на трон Хайсан раздарил 3,5 млн. дин, что составляло $\frac{3}{4}$ суммы денег, поступивших в течение года в юаньскую казну. В 1311 году, в последний год его правления, из 11 млн. государственных денег, 3 млн. дин были розданы в качестве даров. В этом проявился менталитет монгольских ханов, демонстрировавших подданным свою щедрость и презрительное отношение к богатству, поскольку традиция обмена дарами, привнесённая ещё от степного образа жизни, по сути, от доиндустриального общества, была универсальным средством установления отношений между индивидами. Символический обмен подарками, как между равными, так и между государем и подданными, позволял преобразовывать обмен материальными ценностями в отношения психологической зависимости, что, в свою очередь, давало возможность императорам Юань получать новые ресурсы и, раздаривая «подарки», увеличивать свой престиж. Наиболее важными добродетелями, которыми должен был обладать правитель, во всяком случае, среди правящих сословий империи Юань, считались щедрость и справедливость. Его щедрость в их представлении выражалась в раздаче земель, титулов и богатых даров, в организации пышных пиров, в народном сознании – в устройстве праздников и зрелищ, в раздаче обильных подаваний. Таким образом, повышение общественного статуса императоров Юань осуществлялось через механизмы «престижной экономики»: с одной стороны, через организацию массовых праздников, на которых накопленные богатства демонстративно раздаривались, а с другой – через развитие обменных связей и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответное подношение. «Престижная экономика» была одной из причин прихода императоров Юань к власти. Без уяснения сущности её механизмов трудно определить особенности властных отношений у средневековых монголов, а также понять причины возникновения и расцвета Юаньской империи [3, с. 291–295].

Хайсан предпринял меры по укреплению своей власти. Прежде всего, он назначил наиболее преданных себе людей на посты, контролировавшие государственный аппарат и императорскую гвардию, ударную силу юаньской армии. Иналтото и Асанбука, сыгравшие важнейшую роль в возведении

Хайсана на трон, были назначены на высокие посты в государственном аппарате. Иналтото возглавил Тайный Совет, а затем занял пост левого министра. Асанбука стал *ючэнсяном*, т.е. правым или главным министром правительства, а также главой реорганизованной гвардии канглы. Чжанур, как лицо особо близкое к Хайсану, ещё в 1301 г. за победу над Дува получил в жёны девушку из правящей в Китае династии Чингисидов и был назначен командующим кыпчакской гвардии. В отличие от Иналтото и Асанбуки он сделал свою карьеру исключительно на военном поприще. Ему «был пожалован большой императорский шатёр и другие вещи. Стал чиновником, сохранив свои прежние посты в Шумиюань и должность главы кыпчакской гвардии» [5, цз. 128, с. 27442/1490]. Его сын Яньтимур также был фаворитом Хайсана, «служил в охране императора. У-цзун особо выделил его и приблизил к себе. Его дети служили империи в степях и охраняли её границы...» [5, цз. 138, с. 27533/1581].

Среди приближённых императора Хайсана были не только выходцы из тюркских степняков-кыпчаков и канглы, но и монголы, представители господствующей этнической группы в империи Юань, и тангуты. Так, членами клики Хайсана были монгол из племени меркитов Байань или Баян, впоследствии сыгравший заметную роль в юаньской истории, тангут Читайбуши и его сыновья Ерчини и Лиджи. Ранее они сражались под началом Хайсана в Монголии. Читайбуши и его сыновья возглавляли части императорской гвардии, сформированные из тангутов, а Байань – гвардию асов. Среди сторонников Хайсана были выходцы из оазисов Восточного Туркестана и Семиречья, степей Внутренней Монголии, тюркоязычные уйгуры Ерантимур и Ильчей, карлук Тахай, онгуты Мацзучан и Чаошиянь. Тахай был военачальником карлукских частей гвардии и подчинялся Чжануру. Ерантимур, Мацзучан и Чаошиянь, являясь высокопоставленными чиновниками, способствовали восшествию на трон Хайсана, действуя в тесном контакте с Асанбукой и Иналтото. Ильчей, он же Ванцзэ китайских источников, в 1311 г. стал правой рукой главного юаньского министра [5, цз. 122, с. 27380/1428; цз. 124, с. 27399/1447; цз. 142, с. 27577/1625; цз. 180, с. 27945/1993].

После вступления на трон Хайсана, Иналтото предложил ему укрепить власть, изменив порядок наследования. Как указывалось выше, в 1307 г. Хайсан и Аюрбарвада пришли к соглашению, согласно которому наследником Хайсана должен быть Аюрбарвада, а последнему в свою очередь должен наследовать сын Хайсана. Для укрепления позиций своего ставленника Хайсана, его ближайшее окружение потребовало пересмотра этого соглашения и советовало Хайсану назначить наследником своего сына. Особенно активно за отмену соглашения выступал Иналтото: «Сын государя мало-помалу растёт, а государь сильно устал от трудов последнее время, надо заранее установить, кто будет трон наследовать. Делая великие дела в интересах государства, нельзя не быть осторожным. Раньше братья императора почтительно вершили великие дела, заслуги приносили алтарям предков, а сами находились в Восточном дворце. Всему был определён порядок: от старшего младшему, от дяди племяннику от поколения к поколению наследовали трон. Так было. Кто может усомниться для той эпохи в

справедливости такого порядка вещей? Я, Иналтото, такие слуги государя, как мы, не имеем права высказывать официально своего мнения о государственных постановлениях. Как можно нам покушаться на их совершенство? Но можно ли сохранить порядок ныне, когда сегодня трон старший передаёт младшему, а завтра дядя племяннику? Пусть другие забывают о своем долге. Небо всё видит как есть в действительности. Я ничего не могу изменить, когда другие нарушают свой долг. Хотя государь не согласился, но опровергнуть... не смог. Ведь он награждал и не соблюдавших верность, и повышал не соблюдавших законы. Так, богатства уменьшались, а титулов жаловалось через край. А ведь награды и чины это то, с помощью чего можно использовать людей на службе. С помощью рангов оценивают добродетель, под наградами понимают заслуги. А как это использовать, когда здесь крайности, медлительность или спешка, и поэтому нет пользы. Чжуншу (т.е. правительство), ведало деньгами и хлебом, общественными работами, законами, казнями и тюрьмами. И ко всему ещё дюжина всяких дел. Если следовать сказанному Вашим слугой, то надо искренне придерживаться старинных установлений и Ваш покорный слуга готов вместе со всеми отдать все свои силы для пользы дела. И если нет, то какая польза может быть от Вашего слуги? (т.е. ухожу в отставку)» [5, цз. 124, с. 27532/1580].

Недолгое правление хана Хайсана характеризуется углублением кризиса в стране. Непомерные растраты и оргии, устраивавшиеся при юаньском дворе, сильно расстроили государственные дела, важные государственные должности стали предметом торговли. По свидетельству китайских источников, даже монахи из буддийских монастырей становились чиновниками в империи Юань. Проверка чиновников для повышения по должности превратилась в формальность. Так, при правлении Хайсана в течение лишь одного года свыше 880 человек попали на высокие государственные посты с помощью взяток и «зверствовали, как тигры». Сообщается о 40 лицах, выдававших себя за родственников жён императора и пользовавшихся властью [2, с. 56]. Но попытки ближайшего окружения Хайсана закрепить свои позиции при дворе, завоёванные при возведении его на трон, не увенчались успехом. В 1311 г. после смерти Хайсан-хана на юаньский трон взошёл Аюрбарвада, который царствовал недолго. После его смерти соглашение было нарушено, и на юаньский трон взошёл не сын Хайсана, а сын Аюрбарвады, что послужило почвой для дальнейших дворцовых переворотов. Но, это тема для другого рассказа.

Литература

1. *Бокщанин А.А.* Попытки монголо-китайского вторжения в страны Юго-Восточной Азии // Татари-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
2. *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983.
3. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.
4. *Рашидад-Дин.* Сборник летописей. М.–Л., 1952.
5. Юань-ши («История [династии] Юань»). Пекин–Шанхай, 1958.